

*И. В. ПОХИЛЬКО, докторант
(Межрегиональная Академия управления персоналом, г. Киев)*

ОБОСТРЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РЫНКА КАПИТАЛОВ

Наукові праці МАУП, 2002, вип. 3, с. 64–67

Рынок ценных бумаг является одним из основных механизмов аккумуляции и перераспределения инвестиционного капитала в мировой экономике. На современной стадии развития мирового хозяйства можно говорить о преобладании этого источника формирования капитала по сравнению с кредитом и внутренним накоплением, а также о дальнейшем росте его значения. Ускорившаяся в течение последних десятилетий глобализация мировой экономики послужила причиной формирования практически единого всемирного рынка капиталов. В определенной мере можно говорить и об обратной закономерности: стремительно развивающийся международный рынок ценных бумаг служит движущей силой дальнейшей интеграции национальных экономик в единое мировое хозяйство. Развитие современных средств вычислительной техники и телекоммуникации позволило обеспечить возможность практически мгновенного перемещения средств с одного национального рынка на другой.

Наряду с несомненными преимуществами такой мобильности капитала ее непосредственным следствием является также значительно большая неустойчивость национальных рынков ценных бумаг в силу роста их зависимости от развития экономик других стран. Это становится особенно очевидным при рассмотрении таких финансовых кризисов, как мексиканский 1994–1995 гг., распространившийся на всю Латинскую Америку, и кризис в странах Юго-Восточной Азии 1997–1998 гг., который в большей или меньшей

степени отразился на всех фондовых рынках как развивающихся, так и развитых стран.

В то же время двойственный результат глобализации фондовых рынков проявляется в обострении конкуренции за инвестиции между отдельными национальными рынками и целыми группами рынков, с одной стороны, и в формировании виртуального финансового мира — с другой. Создателем этого виртуального мира является гигантский свободный капитал. Например, банковская система Японии располагает активами в 9 трлн дол., банки США и Германии — примерно по 6 трлн, банки Великобритании и Франции — по 5 трлн дол. Только за первые семь лет 90-х годов совокупный излишек капиталов Японии составил 655 млрд дол. Этот капитал благодаря глобализации финансовых рынков в направлении получения максимальных прибылей обеспечил создание виртуального инвестиционного мира. Он возник как следствие тесной связи между движением валютных курсов, банковским процентом и котировками акций в разных странах. Шкала ценностей, скорость и объем операций виртуального мира на несколько порядков превосходят аналоги реального мира. Это хорошо видно из следующих примеров.

В 1977 г. объем мирового экспорта равнялся 1,3 трлн дол., а объем валютных операций — 4,6 трлн дол., т. е. объем экспорта был меньше объема валютных сделок в три с половиной раза. За 23 года (т. е. к 2000 г.) объем мирового экспорта превысил 5 трлн дол., но он почти в 100 раз стал меньше объема валютных операций (их

ежедневный уровень достигает 1,5 трлн дол.). Чтобы представить себе масштаб этих операций, достаточно вспомнить, что эта сумма превышает валовой национальный продукт почти всех стран мира, а все официальные валютные резервы мира составляют 1,2 трлн дол. Ясно, что никакой центральный банк, в том числе Федеральная Резервная Система США, даже совместные усилия нескольких центральных банков не в состоянии противостоять “спекулятивному цунами”.

В этот же период, согласно исследованиям западных экономистов, резко увеличилась потребность в инвестиционных ресурсах, однако рост объемов инвестируемого капитала отставал от потребностей мировой экономики. Борьба за инвестиционные ресурсы между ведущими центрами мирового хозяйства — США, Европейским Союзом и Японией — в последнее десятилетие XX в. крайне обострилась, но в особенно тяжелом положении вследствие проблематичности получения дефицитных инвестиционных ресурсов оказались развивающиеся страны. Бурное развитие информационных технологий, создание метатехнологий дали огромные преимущества их создателям в конкурентной борьбе за инвестиционные ресурсы. Сегодня именно эти технологии из-за своей наибольшей производительности стали господствующими. Именно они, стремительно распространившись в последние годы, стали основной составляющей информационно-технологических обществ. Пионеры их освоения — США — привлекают наиболее мобильную и потому эффективную форму финансового капитала (спекулятивный капитал) в создание наиболее эффективного вида технологий — информационных. Привлечение такого капитала в создание обычных технологий, как показывает опыт развивающихся стран, невозможен из-за медлительности действий неинформационных технологий: осуществление любого проекта, связанного с ними, требует качественно больше времени, чем для информационного проекта, реализации которого готов способствовать традиционно “короткий” спекулятивный капитал. В результате наблюдается разрушительное несопадение скорости движения спекулятивного капитала и создания традиционных технологий. Широкомасштабные вложения спекулятивного капитала неэффективны для национальной экономики именно из-за этого: он уходит, не успев создать ничего реального и оставляя после себя одни разрушения, а скорость развития информационных технологий качественно выше, чем обычных: поэтому они являются единственным видом технологий, по

отношению к которым “короткий” спекулятивный капитал оказывается нормальным, т. е. производительным. Их технологический цикл настолько мал, что соответствует скорости обращения финансового капитала. Исходя из этого развитые страны получают дополнительное и очень важное так называемое системное преимущество.

Принципиально важно, что в новом — информационном, глобализированном, постиндустриальном — мире XXI века важнейшими ресурсами стали не пространство с закрепленными на нем людьми и производством, а финансы и интеллект, легко перетекающие с одной территории на другую. Сегодня эффективное освоение территории состоит уже не в оздоровлении находящейся на ней социально-экономической формации, а наоборот, в обособлении ее, а затем в последующем изъятии из нее основной части здоровых и прогрессивных элементов, т. е. людей — носителей финансов и интеллекта. При таком освоении прогресс более развитого, “осваиваемого” общества идет за счет деградации “осваиваемого”, причем масштабы деградации разрушаемого общества, как всегда бывает при “развитии за счет разрушения”, превосходят выигрыш и прогресс более развитого общества. В отличие от традиционных гармоничных процессов развития собственное развитие за счет деградации другой стороны всегда представляет собой “игру с отрицательной суммой”.

Таким образом, глобализация мирового экономического пространства качественно изменила относительную ценность ресурсов, выдвинув на первый план ставшие наиболее мобильными интеллект и финансы. В результате изменились отношения сотрудничества между развитыми и развивающимися странами: созидательное освоение вторых первыми с помощью прямых инвестиций в реальный сектор начало уступать место разрушительному освоению посредством изъятия финансовых и интеллектуальных ресурсов. Необратимое отставание развивающихся стран от развитых обусловлено не только вымыванием из них наиболее ценных в новых условиях ресурсов, но и снижением полезности традиционных ресурсов и технологий, которыми эти общества располагают. Такое обесценивание тем глубже, чем более примитивными являются старые технологии и чем менее монополизированными и более конкурентными являются рынки продукции этих технологий. В соответствии с этим правилом за счет распространения “high-tech”-технологий происходит относительное обесценива-

ние в первую очередь технологий добывающей промышленности. Поэтому снижение мировых цен на сырье, а в более широком смысле — на продукты относительно малоинтеллектуального труда, станет основной тенденцией, отступления от которой не будут существенно влиять на развитие ситуации. В этом смысле США и страны “большой семерки”, активно “сбрасывавшие” за рубеж уже не столько экологически, сколько “интеллектуально грязные”, т. е. слишком простые, производства, максимально застраховали себя от негативных последствий своего же технологического рывка. Одним из следствий глобализации будет формирование единых общемировых рынков, в частности в финансовой сфере. Постепенная интеграция глобальных рынков различных финансовых инструментов в единый мировой рынок финансов приведет в результате к вопросу о возникновении глобальных монополий: причина этого проста — единый рынок нельзя поделить. Глобализация экономического пространства и информационные технологии до минимума снизят транзакционные издержки и “цену входа” на глобальные финансовые рынки, уничтожат эти препятствия, устраняя тем самым и “зацепки” для всякого хоть сколько-нибудь устойчивого раздела этих рынков. Продолжительность жизни господствующего товара — информации — устремляется к нулю, что делает практически невозможным даже временный раздел данных рынков. В результате глобальные монополии формируются одновременно в двух направлениях:

- на глобальных рынках отдельных финансовых инструментов;
- в виде единой глобальной монополии в результате интеграции указанных рынков (снижения “цены перехода” с одного на другой до пренебрежимо малого уровня).

В роли последней монополии все в большей степени выступают США, тесно взаимодействующие с базирующимися на ее территории транснациональными корпорациями, в том числе финансовыми, многие из которых в силу специфики своей деятельности не нуждаются в организационном оформлении.

Дело идет к тому, что мировая политика скоро перестанет существовать, переместившись, с одной стороны, на наднациональный уровень глобальных групп капиталов и технологий, а с другой — на внутренний уровень политической жизни страны, контролирующей основную часть этих капиталов и технологий.

Следующий аспект глобализации — это столкновение валют евро и доллара. Объем статьи не

позволяет рассмотреть данный процесс объемно, поэтому обозначим динамику процесса концептуально. Введение евро уменьшает валютные резервы банковских систем мира (в первую очередь Европы) и высвобождает из них значительное количество долларов (только из Китая — десятки миллиардов долларов). Перевод расчетов на европейском рынке энергоносителей, которые идут в долларовом исчислении, за определенный период времени на евро высвободит как минимум десятки и даже сотни миллиардов долларов. Наконец, покупательная способность самой крупной европейской банкноты в 500 евро будет выше покупательной способности наибольшей банкноты США в 100 дол. В результате перевода в евро основной части крупных наличных сумм Европы, причем не только в странах валютного союза, но и в соседних странах, освободятся дополнительно десятки миллиардов долларов. Чтобы “евро”- и “чайна”-доллары не вернулись в США, дестабилизировав экономику, они должны быть “впитаны” другими странами. Такое “впитывание” мировой резервной валюты в значительных масштабах, сопоставимых с ее высвобождением в ходе введения евро, происходит только в условиях глубокой экономической дестабилизации. В этот период доллар может оставаться стабильным только в обстановке “подрыва инвестиционных ожиданий”, что мы с вами и наблюдаем с сентября 2001 г.

Исходя из изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Мировая экономика становится все более нестабильной и уязвимой. Негативные тенденции в той или иной стране или регионе немедленно сказываются на экономическом положении остальных. Это наглядно подтверждают азиатский и российский кризисы 1997–1999 гг.
2. Возрастает влияние транснациональных корпораций, в том числе политическое. Не только правительства отдельных стран, но и мощные наднациональные объединения, такие как Европейский Союз, вынуждены все больше ориентироваться на ТНК, учитывать их интересы. Национальные государства оказываются беспомощными в решении многих вопросов, их влияние на экономические и политические процессы неуклонно снижается.
3. Обостряется финансовая конкуренция внутри небольшой группы наиболее развитых стран. Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой получают то количество финансовых ресурсов, которое соизволят им выделить развитые страны.

Вследствие такого развития событий правительства развивающихся стран при выработке стратегии наращивания инвестиционного потенциала необходимо решить такие фундаментальные задачи:

- обеспечивать опережающие темпы экономического роста по сравнению с экономиками развитых стран;
- модернизировать структуру экономики — развивать перерабатывающие и высокотехнологичные отрасли, финансовую систему, сферу услуг;
- решать острые социальные проблемы, повышать уровень жизни населения (в том числе обеспечивать растущий уровень потребления);
- создавать более привлекательные условия для капиталовложений в национальную экономику по сравнению с экономиками трех-четырёх десятков близких по уровню развития и/или географическому положению стран. Решение этой задачи подразумевает проведение определенной информационной политики, направленной на укрепление имиджа данной страны в глазах инвесторов, а также реализацию мак-

роэкономической стратегии, обеспечивающей поддержание относительно более высокой нормы прибыли и/или снижение рисков, связанных с вложениями в экономику страны.

В настоящее время Украина пытается найти оптимальный выход из создавшейся ситуации, который предполагает учет ее национальных интересов, целей и приоритетов государства; ослабление жесткой зависимости от неблагоприятных внешних факторов; сведение до минимума неэквивалентного обмена и оттока интеллектуальных и финансовых ресурсов из страны; отказ от неоправдывающих себя фальшивых целей и идеологических лозунгов.



Литература

1. Кувалдин В. В. Глобализация — светлое будущее человечества? // Независимая газ. — 2000. — 11 окт.
2. Томлянович С. А. 10 тезисов по вопросу глобализации // Междунар. политика. — 1999. — № 8.
3. Фитуни Л. Л. Финансовая глобализация и бегство капитала из России // Вопр. экономики. — 2000. — № 5.